

Только при помощи армии полицейские силы смогли подавить всеобщую забастовку трудящихся⁸. Власти обрушили на организаторов движения репрессии. Деятельность Национальной конфедерации кубинских рабочих была запрещена. Компартия по-прежнему оставалась вне закона. Руководители КПК и КНОК были арестованы. После убийства в мае 1935 года лидера революционного студенчества Антонио Гитераса организация «Молодая Куба», которую он создал и возглавлял, переживала серьезный кризис.

Несмотря на поражение, кубинская буржуазно-демократическая революция 1933—1935 годов способствовала сплочению всех демократических сил в борьбе против реакционной диктатуры.

¹ См.: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории.—М., 1984.—Т. 5.—С. 536.

² I съезд Коммунистической партии Кубы.—М., 1976.—С. 23.

³ См.: Periodico La Palabra.—1935, 20 de enero.—P. 3.

⁴ См.: Очерки истории Кубы.—М., 1978.—С. 255.

⁵ Periodico Bandera Roja.—1934, 25 de marzo.—P. 6.

⁶ Там же.—1934, 18 de junio.—P. 4.

⁷ Там же.—1934, 16 de junio.—P. 4.

⁸ Там же.—1935, 28 de marzo.—P. 4.

П. А. ШУПЛЯК

ПОЗИЦИЯ ГЕРМАНСКИХ ПРОФСОЮЗОВ В ПЕРИОД КАППОВСКОГО ПУТЧА

Капповский путч 1920 года был попыткой реакционно-милитаристских сил Германии ликвидировать завоевания Ноябрьской революции и вернуть власть монархистам, которые опирались на реакционную буржуазию и юнкерство. Однако такое откровенное посягательство на революционные завоевания вызвало решительное сопротивление пролетариата. Важную роль в борьбе против путча сыграли профсоюзы. «Попытка германской монархической партии произвести переворот,—писал по этому поводу В. И. Ленин,—разбилась о сопротивление немецких профессиональных союзов рабочих, когда рабочие... все восстали и сломили военные силы»¹.

Профсоюзное движение в Германии того периода было неоднородным. В нем можно выделить три направления: так называемые «свободные», христианские и гириш-дункеровские профсоюзы. Свободные профсоюзы или Всеобщее объединение германских профсоюзов (АДГБ) были связаны с СДПГ. Связь эта базировалась на одинаковом подходе к определению будущего рабочего класса Германии и методов его достижения. Как партийные, так и профсоюзные лидеры занимали в рабочем движении оппортунистические, реформистские позиции. Это не мешало профсоюзным лидерам в ряде случаев осуществлять самостоятельную, а иногда даже противоречащую официальному курсу СДПГ политику.

Христианские и гириш-дункеровские профсоюзы представляли собой профессиональные организации рабочих, призванные, по мнению их основателей и руководителей, служить массовой базой для осуществления буржуазной политики. Первые из них в своей деятельности руководствовались принципами христианского учения, вторые—требованиями буржуазного либерализма. Для христианских профсоюзов политическим ориентиром была партия Центра, для гириш-дункеровских—Демократическая партия.

После Ноябрьской революции роль и влияние профсоюзов в общественной жизни Германии значительно возросли. Численность свободных профсоюзов увеличилась в 1918—1920 годах с 2,8 до 8 млн, христианских—с 0,5 до 1,1 млн, гириш-дункеровских—с 113,8 до 226 тыс. человек². Помимо этого в 1920 году было профессионально объединено в различных союзах около 1,5 млн служащих. В Национальном собрании, избранном в 1919 году, из 421 депутата 75 были профсоюзными функционерами различного ранга³. Таким образом, профсоюзы представляли собой весьма серьезную силу. Более того, после начала путча, в условиях, когда правительство, потеряв поддержку армии, не предприняло никакого сопротивления путчистам и позорно бежало из столицы, профсоюзы оказались практически единственной организованной силой, способной сорвать планы контрреволюции.

Профсоюзные лидеры, и в первую очередь руководство АДГБ во гла-

ве с Карлом Легиным, отдавали себе отчет о возможных последствиях путча. Под угрозой оказались не только революционные завоевания рабочего класса, но и само существование профсоюзов. В этих условиях 13 марта 1920 года состоялось экстренное заседание руководства АДГБ, на котором было принято решение призвать рабочий класс ко всеобщей забастовке. В обращении к рабочим говорилось: «Реакционеры стремятся ликвидировать основные завоевания Ноябрьской революции. Немецкая республика в опасности. Необходимо объединить все силы народа для сопротивления путчистам...»⁴. Такое решение было необычным для профсоюзного руководства. С одной стороны, оно, естественно, было порождено необычностью обстоятельств. Вместе с тем первый в истории профсоюзов призыв ко всеобщей забастовке, да еще политической по своему характеру, был не только ответом на выступление реакции, но и следствием ситуации, сложившейся в рабочем движении вообще, и в профсоюзах в частности.

Социал-демократия была не способна возглавить борьбу против путчистов и обеспечить ее проведение привычными методами в рамках парламентской деятельности. Она в немалой степени несла ответственность как доминирующая правительственная партия за возникновение путча. Один из лидеров СДПГ Густав Носке, например, будучи министром обороны, старательно сохранял юнкерско-милитаристский дух в армии, рассматривая ее в первую очередь как силу для подавления возможных революционных выступлений в стране.

В этой обстановке новые возможности открывались перед НСДПГ. В партии было сильным левое крыло и под его давлением партийное руководство потребовало решительно бороться против путча, вплоть до создания социалистического правительства. Руководство КПП под влиянием сектантских настроений первоначально дало неверную оценку событий, развернувшихся в стране. Однако уже 14 марта оно, а еще раньше многие местные организации партии призвали рабочих к совместной борьбе против путчистов. В самих свободных профсоюзах было довольно сильным левое, оппозиционное крыло. Влияние оппозиции было преобладающим в союзах металлистов, обувщиков, подмастерьев. Она имела прочные позиции в местных организациях АДГБ в Берлине, Брауншвейге, Дюссельдорфе, Хемнитце, Киле, Лейпциге и др. Многие местные организации призвали своих членов к борьбе с путчистами и требовали того же от руководства АДГБ. Было очевидно, что в случае пассивности последнего забастовка может начаться без его ведома и под другим руководством.

Капповский путч осудили и другие профсоюзные объединения. Христианские профсоюзы выступили против путчистов, ссылаясь на свое принципиальное неприятие политических насильственных действий. При этом не преминули напомнить, что и Ноябрьскую революцию они в связи с этим «всегда расценивали как преступление против народа»⁵. Но поскольку народ избрал Национальное собрание и получил Конституцию, христианские профсоюзы стоят на стороне нового правопорядка и защищают его от путчистов Каппа. Хотя христианские профсоюзы включились в борьбу (через 2 дня после начала стачки), они тем не менее осудили всеобщую забастовку как метод. Руководство христианских профсоюзов боялось организованности рабочего класса, радикализации его требований. Христианских лидеров пугала возможная перспектива отстранения от власти буржуазных партий, в том числе партии Центра, и создания рабочего правительства. Для них даже реформистская политика СДПГ и АДГБ представлялась недопустимо радикальной и социалистической. Поэтому их участие в борьбе с путчистами имело целью обеспечить позиции либерально-буржуазных сил в политическом развитии страны после изгнания Каппа.

Такие же цели преследовали и гириш-дункеровские профсоюзы. Они вступили в борьбу 15 марта. Решение об этом последовало после двухдневного заседания профсоюзного руководства. Официальное осуждение путча было сделано еще 13 марта. Выработка же формулы призыва к борьбе несколько затянулась. Это было вызвано тем, что гириш-дункеровские профсоюзы особенно настойчиво демонстрировали свой партийно-политический нейтралитет и отказ от политической борьбы. С другой стороны, было очевидно, что забастовкой фактически руководили свободные профсоюзы и, призвав к участию в ней, волей-неволей пришлось бы признавать их лидерство. В обращении к членам профсоюзов поэтому было заявлено, что забастовка вспыхнула не по призыву АДГБ, а в связи с тем, что рабочие хорошо понимали возможные перспективы капповской дикта-

туры. Такое заявление оказалось весьма близким к истине. Подчеркивалось также, что отношение гириш-дункеровских профсоюзов к забастовке «не является результатом чьего-либо влияния». Сам призыв к участию в ней был сделан в косвенной форме: «Речь идет о политической цели. Наши члены, являющиеся гражданами государства, не остаются незатронутыми этими событиями и будут участвовать во всех подходящих для этого мероприятиях, которые обеспечат и сохраняют прежние политические и профсоюзные завоевания... Наши члены не должны стоять в стороне, а должны быть готовы идти на жертвы за свои убеждения и права. Этим жертв требует серьезность времени»⁶.

Всеобщая забастовка, в которой участвовало 12 млн человек, обрекала путч на поражение. 15 марта самозванное «правительство» Каппа предложило руководству АДГБ начать переговоры, обещая уступки рабочим и создание коалиционного правительства с участием профсоюзных деятелей. Однако эти предложения были отвергнуты. 17 марта путч потерпел поражение. Капп бежал в Швецию. Реальная власть в стране оказалась в руках руководства свободных профсоюзов, возглавлявшего забастовку. Карл Легин не без оснований заявлял в это время, что против воли профсоюзов ни одно правительство в Германии не продержится и 24 часов⁷.

После бегства Каппа встал вопрос, какое же правительство придет к власти? Среди бастующих рабочих было распространено мнение, что события не должны возвращаться в старое русло, что забастовка не должна завершиться возвращением к власти буржуазного правительства Бауэра, бежавшего в Штутгарт. Бастовавшие требовали чистки государственного и административного аппарата, армии, расширения социальных и политических прав рабочих. Против возвращения к власти старого правительства выступали КПГ и НСДПГ. Такие настроения были сильны и среди членов свободных профсоюзов. Даже лидер близкого к АДГБ союза служащих Зигфрид Ауфхойзер заявлял по этому поводу: «Немецкий народ не понял бы, если бы у власти осталось то же самое правительство, которое своей неадекватностью сделало возможным капповский путч»⁸.

В этих условиях руководство АДГБ 17 марта вступило в переговоры с представителями НСДПГ и КПГ о создании рабочего правительства. Переговоры, однако, завершились неудачей из-за позиции НСДПГ. Карл Легин немедленно (и это ставит под сомнение искренность его стремления к созданию рабочего правительства) вступает в контакт с правительством Бауэра для обсуждения условий прекращения забастовки. 18 марта АДГБ совместно с близкими ему союзами служащих и чиновников выдвигает программу из 9 пунктов. Она требовала определяющего влияния профсоюзов на формирование правительства, разоружения и наказания путчистов, проведения демократических реформ, чистки государственного аппарата и армии, социализации ряда предприятий, отставки ряда министров, в том числе Г. Носке. Карл Легин заявил: «Или правительство примет наши требования, или оно не вернется в Берлин»⁹. На подобное решительное заявление Легина вынуждала ситуация. Достаточно сказать, что вся власть в Рейнско-Вестфальском промышленном районе находилась в руках вооруженных рабочих, в Восточной Саксонии были весьма сильны позиции рабочих советов, рабочие Средней Германии имели в своем распоряжении большое количество оружия. Укрепились позиции КПГ и левого революционного крыла НСДПГ, требовавших не ограничиваться изгнанием мятежников, а обеспечить рабочему классу реальные позиции в руководстве страной.

Идея создания рабочего правительства и программа из 9 пунктов были враждебно встречены в христианских и гириш-дункеровских профсоюзах. Они видели в ней опасность устранения буржуазных партий из правительства. Эти профсоюзы отказались от участия в забастовке сразу же после падения «правительства» Каппа и начали вести активную антистачечную кампанию. Пресса христианских профсоюзов обвинила К. Легина в стремлении к диктатуре пролетариата. При этом указывалось на истинные мотивы радикализма лидеров свободных профсоюзов: «Вероятно, для того, чтобы предотвратить опасность дальнейшего перехода социал-демократических профсоюзов в радикальный лагерь, АДГБ пытается клин вышибить клином, когда он выдвигает перед правительством антидемократические требования»¹⁰. Профсоюзное руководство призвало правительство не допустить революции слева.

С резкой критикой политики руководства АДГБ после 17 марта выступил видный деятель гириш-дункеровских профсоюзов А. Эркленц, при-

писывая ему стремление к созданию советского правительства и заявляя, что эта политика создает опасность «разрушения демократического парламентаризма». Он называл программу из 9 пунктов «левым маршем Лигина, с помощью которого он хочет предотвратить раскол и обеспечить единство»¹¹. А. Эркленц раскрывал и истинную причину своего беспокойства. «Если рабочие хотят оказывать политическое влияние, — подчеркивал он, — то они должны, на английский манер, создать одну партию типа лейбористской. Но это уже будет не чисто социалистическая партия и в любом случае не партия классовой борьбы. В нее могут войти и либеральные и христианские течения в рабочем движении»¹². Такие же мотивы были характерны и для христианских профсоюзов, заявивших, что, если профсоюзы и должны оказывать влияние на создание новых условий, «то это должны делать все профсоюзы, участвовавшие в борьбе с путчистами»¹³.

20 марта правительство Бауэра вернулось в Берлин. Оно не обещало гарантировать выполнение программы из 9 пунктов. Было дано лишь заверение, что правительственные партии обсудят эту программу, сокращенную до 8 пунктов, в своих фракциях в рейхстаге. На этих условиях 23 марта забастовка была прекращена. Части рейхсвера развернули террор против вооруженных рабочих отрядов, участвовавших в подавлении мятежников. Ни один из 9 пунктов программы, разработанной АДГБ, за исключением отставки Г. Носке и ряда других министров, не был выполнен. Профсоюзы всех направлений поддержали правительственную политику подавления боевых рабочих отрядов. Прекратив забастовку, они потеряли возможность оказывать серьезное влияние на дальнейшее развитие событий.

В марте 1920 года рабочий класс Германии имел реальные шансы добиться целей, не осуществленных в ходе Ноябрьской революции. Однако претворению этих возможностей в жизнь помешала реформистская политика правого руководства АДГБ.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 42. — С. 316.

² См.: Schneider M. Christliche Gewerkschaften. 1894—1933. — Bonn, 1982. — S. 366, 452.

³ См.: Pothoff H. Gewerkschaften und Politik zwischen Revolution und Inflation. — Bonn, 1979. — S. 397.

⁴ Korrespondenzblatt des Allgemeinen Deutschen Gewerkschaftsbundes. — 1920. — N 12/13. — S. 150.

⁵ Zentralblatt der christlichen Gewerkschaften Deutschlands. — 1929, 29. März.

⁶ Der Gewerkverein. — 1920. — N 7. — S. 50.

⁷ См.: Коенан В. Zur Frage der Möglichkeit einer Arbeiterregierung nach dem Kapp-Putsch // Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. — 1962. — N 2. — S. 348 (В дальнейшем: ВЗГ).

⁸ Цит по: Коппеманн Е. Zum Problem der Bildung einer Arbeiterregierung nach dem Kapp-Putsch // ВЗГ. — 1963. — N 5/6. — S. 906.

⁹ Biegert H.-H. Gewerkschaftspolitik in der Phase des Kapp-Lutwitz-Putsches // Industrielle System und politische Entwicklung in der Weimarer Republik. — Düsseldorf. — 1974. — S. 198.

¹⁰ Zentralblatt... — 1920, 29. März.

¹¹ Zentrales Staatsarchiv Potsdam, Reichslandbund. Pressearchiv. — N 8214, Bl. 108.

¹² Там же.

¹³ Deutsche Allgemeine Zeitung. — 1920, 30. März.

К. А. РЕВЯКО

СОВРЕМЕННАЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПУНИЧЕСКИХ ВОЙНАХ

Углубление общего кризиса капитализма, крах колониальной системы, укрепление социалистического лагеря не могли не найти отражения в развитии англо-американского антиковедения. Современные англо-американские историки большое внимание уделяют внешней политике Рима, римским завоеваниям и системе управления завоеванными территориями. Хотя они не восхваляют прямолинейно римских завоеваний, однако придерживаются мнения, что завоевание Римом Средиземноморья не было результатом заранее подготовленного плана покорения других народов. Воюя с Карфагеном, Рим, по их мнению, прежде всего беспокоился о своей безопасности. Такие исследователи так или иначе скатываются на позиции